

Глава 20. Двенадцать ветров и дождей

От Мэн Хуаня веяло винным перегаром. Ляньэр едва заметно поморщилась и тихо ответила:

— Спит он.

— С самого утра? — Мэн Хуань нахмурился.

— Отвечаю молодому господину: учитель просыпался один раз после полудня, выпил несколько глотков воды, съел полмиски каши и снова забылся сном.

— Полмиски? — Офицер нахмурился. — И это всё?

Ляньэр украдкой взглянула на него и, поспешно опустив голову, прошептала:

— В болезни аппетита нет, господин. То, что он хоть немного поел — уже добрый знак. Не желает ли молодой господин войти и навестить учителя?

Мэн Хуань уже готов был согласиться, но слова застряли в горле. С чего бы ему, монгольскому офицеру, бегать к какому-то ханьскому книжнику? Этот грамотей только вчера посмел ему отказать.

Он небрежно махнул рукой:

— Не стоит. Заботься о нём как следует. Я уйду.

— Доброго пути, молодой господин, — Ляньэр склонилась в глубоком поклоне.

Болезнь Сун Чжи затянулась на пять дней. Трижды в сутки ему приходилось вливать в себя невыносимо горькое варево, но лихорадка никак не желала отступить окончательно. Сун Чжи казалось, что горечь пропитала само его естество, однако под полным тревогой и заботы взглядом Ляньэр он лишь мужественно морщился и пил лекарство до последней капли.

Когда чаша пустела, девушка протягивала ему глазированные фрукты, чтобы перебить дурноту. Прежние припасы, присланные Цино, уже закончились, и Ляньэр, набравшись смелости, отправилась на кухню за новой порцией, прикрывшись именем хозяина.

Холода наступали неумолимо, но первый снег в этом году задержался. Лишь в ночь на двадцать первое число десятого месяца небо разродилось пушистыми хлопьями. К утру двор укрыло

плотным белым ковром, на котором четко отпечатались цепочка следов — Сун Чжи уже успел выйти на прогулку.

Проснувшись сегодня непривычно рано, он почувствовал, что за дни болезни аппетит вернулся с лихвой. Голод буквально гнал его из постели. Умывшись и одевшись, он решил сам заглянуть на кухню в поисках чего-нибудь съестного.

Путь его пролегал мимо тренировочного плаца, где он издали приметил Мэн Хуаня. Тот стоял в одной тонкой рубахе, несмотря на мороз, а на лбу его блестели капли пота. В руках офицер сжимал длинную саблю; сталь клинка, лоя отблески снега, испускала мертвенно-холодное сияние, полное безмолвной жажды убийства.

Сун Чжи, ненавидевший насилие во всех его проявлениях, поморщился при виде этой сцены.

«Солдафон!» — ядовито подумал он и, поспешно отведя взгляд, ускорил шаг.

У дверей комнаты он столкнулся с Ляньэр. Кончик её носа покраснел от стужи, а руки она прятала в рукавах. Увидев его, девушка вздрогнула от неожиданности и поспешно поклонилась:

— Здоровья вам, учитель.

Сун Чжи заметно окреп, и он впервые за эти дни улыбнулся. Он уже не раз просил её не церемониться и называть его проще, но Ляньэр была непреклонна, так что он просто кивнул:

— Полно, не нужно этих формальностей.

— Учитель, вы же ещё не оправились! — мягко пожурела она его. — Ночью выпал снег, на улице ледяной ветер, как вы могли выйти на такой холод?

— Тошно всё время в четырех стенах сидеть, — усмехнулся Сун Чжи. — Хотелось глотнуть свежего воздуха. Гляди, какой снег чудесный.

Ляньэр улыбнулась и, увлекая его обратно в тепло, добавила:

— Вот поправитесь окончательно, тогда и налюбуетесь. Почему вы сегодня так рано встали? Я подкачала — опоздала к вашему пробуждению.

— Мне уже гораздо лучше, не тревожься. С остальным я и сам справлюсь, не стоит тебе больше утруждаться, — ответил Сун Чжи.

Девушка не на шутку встревожилась:

— Учитель, молодой господин велел мне за вами присматривать. Пожалуйста, не прогоняйте меня!

На её лице отразился такой искренний испуг, что Сун Чжи невольно замолчал. Помолчав, он мягко спросил:

— Ты сама-то завтракала?

— Да, благодарю за заботу, — ответила она, чуть успокоившись.

— Тогдаходи. — Он потянулся к двери, но Ляньэр опередила его, услужливо распахнув створки.

— Прошу вас, учитель.

Понимая, что спорить бесполезно, он вошёл внутрь. Ляньэр первым делом отогрела руки дыханием и лишь затем осторожно коснулась его лба, проверяя жар.

Сун Чжи с усмешкой наблюдал за ней:

— Ну что, убедились? Говорю же, здоров.

Его лицо ещё хранило уличную прохладу, но, выждав немного, Ляньэр облегченно рассмеялась:

— И впрямь, лихорадка совсем ушла.

— Стал бы я тебя обманывать?

— Чем же учитель планирует заняться сегодня? — спросила она, поправляя складки на одежде.

— Почитаю немного, планов особых нет. Садись, — он указал на стул. — Ты славно потрудились эти дни, отдохни.

Ляньэр и помыслить не могла о том, чтобы сесть в его присутствии. Услышав о чтении, она с нескрываемым восхищением оглядела полки, заставленные свитками:

— Вы так много знаете, учитель, и всё равно не оставляете трудов!

Сун Чжи снял с полки книгу и улыбнулся:

— Именно потому, что знаю мало, и приходится трудиться.

— Вы только-только на ноги встали, — засомневалась девушка. — Чтение ведь силы отнимает, голову утомляет.

— Напротив. Книги не утомляют, они даруют покой и радуют сердце.

— Неужели? — недоверчиво переспросила она.

Сун Чжи сел за письменный стол. Обычно во время чтения он делал пометки на полях, поэтому привычным жестом потянулся к тушечнице. Ляньэр тут же оказалась рядом:

— Позвольте мне, учитель.

Он удивленно вскинул брови:

— Ты умеешь растирать тушь?

— Я служила молодой госпоже Салань, она тоже писала. Правда, не по-ханьски.

Сун Чжи хотел было отказаться, но вовремя сообразил: если он лишит девушку работы, она решит, что он ею недоволен.

— Хорошо, приступай.

Ляньэр принялась за дело, искоса поглядывая на иероглифы в книге, но не понимая в них ни черта.

— Грамоте обучена? — неожиданно спросил Сун Чжи.

Девушка лишь покачала головой.

Тушь была готова. Сун Чжи взял кисть, обмакнул её и кончиком вывел на полях изящную, мелкую, словно муравьиные следы, строчку комментариев.

— У вас удивительный почерк, — выдохнула Ляньэр.

В этот момент дверь рывком распахнулась. Снаружи раздался голос Цино:

— Тише, молодой господин, осторожнее.

Сун Чжи замер. Мэн Хуань?

Ляньэр испуганно вскинулась и поспешила к порогу, склоняясь в поклоне:

— Здоровья молодому господину.

Мэн Хуань вошёл, отряхивая снег с сапог. Он сорвал с плеч тяжелую соболиную даху, небрежно бросил её подоспевшему Цино и сухо кивнул служанке. Заметив Сун Чжи за книгой, он едва заметно улыбнулся.

Книжник нехотя поднялся и сложил руки в вежливом приветствии:

— Молодой господин.

— Вижу, ты оправился. Лицо посвежело, — произнёс Мэн Хуань, подходя ближе.

— Благодарю за заботу, мне уже гораздо лучше.

Мэн Хуань взял со стола книгу, которую Сун Чжи только что читал, пролистал пару страниц и нахмурился:

— Только встал — и сразу за свитки? Чтение требует ясности ума, а ты едва окреп. Не боишься, что все усилия по лечению пойдут прахом?

— Я не настолько хрупок, — отозвался Сун Чжи.

— Неужели? — Мэн Хуань усмехнулся. — А лекарство пить боялся — слишком горькое, вишь ли.

Сун Чжи промолчал, чувствуя, как краснеет. Ляньэр всё ещё стояла в полупоклоне. Видя, как непринужденно беседуют хозяин и учитель, она окончательно убедилась: её старания в уходе за больным были не напрасны.

Мэн Хуань мимоходом махнул девушке рукой:

— Свободна. Ступай к казначею, получи награду за службу.

Ляньэр просияла, но вида не подала.

— Благодарю, господин. — Она бесшумно выскользнула из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь.

Мэн Хуань снова обратился к Сун Чжи:

— Я принёс тебе даху. Будешь выходить на улицу — накидывай. Ветер нынче лютый, простудишься вмиг.

Цино выступил вперед, протягивая белоснежную даху. мех серебристой лисы выглядел невероятно дорогим и мягким; от одного взгляда на него становилось тепло. Но Сун Чжи даже не протянул руки.

— Молодой господин, — тихо сказал он, — этот подарок не по чину мне.

Мэн Хуань помрачнел:

— Всё ещё дуешься из-за того случая?

Сун Чжи промолчал, и это молчание было красноречивее любых слов. Цино за спиной хозяина едва не выронил даху от изумления. «Тот случай»? Речь о том дне, когда Сун Чжи заставили стоять на коленях? Неужели за закрытыми дверями произошло что-то ещё, о чем он не знает? И с каких это пор молодой господин стал так обходителен с этим ханьцем?

Мэн Хуань вздохнул с несвойственным ему терпением:

— Утром я видел, как ты перебежал двор, весь съёжившись от холода. К чему это упрямство? Если ты злишься на меня, не стоит вымещать это на собственном здоровье. Давай договоримся: старые обиды забудем и больше к ним не вернемся. А эта даху — мой залог примирения. Согласен?

Цино замер в изумлении. Его господин, гордый воин, не знавший слова «прости», оправдывается и преподносит «залог примирения»? Мэн Хуань с самого рождения никому не приносил извинений!

Но офицер помнил, как сегодня утром книжник кутался в свои жалкие обноски, и это вызвало в нём неожиданную глухую досаду. Этот человек проболел неделю, а о себе так и не научился заботиться.

За всё время болезни Мэн Хуань заглянул к нему лишь раз, в первую ночь, и потом не появлялся. Он думал, что ему всё равно, но, случайно увидев утром его тонкую фигуру на снегу, осознал — он действительно хотел его видеть. Поэтому он взял лучшую шкуру и пришёл. А этот упрямый сухарь воротит нос.

Мэн Хуань уже начинал злиться, но он посмотрел на лоб Сун Чжи. Там, где когда-то была глубокая рана от брошенной тушечницы, остался едва заметный розовый шрам. Рана была слишком глубокой, чтобы исчезнуть бесследно. Это зрелище заставило Мэн Хуаня сдержать вспышку гнева.

— Ты учишь меня письму, — добавил он мягче, — а значит, в какой-то мере ты мой наставник. По вашим ханьским обычаям, разве это зазорно — ученику поднести учителю теплую одежду в дар?

Довод был безупречен. Сун Чжи пришлось сдаться. Он принял подарок коротким поклоном:

— Благодарю, молодой господин.

Цино подумал, что Сун Чжи — человек совершенно безнадежный в плане житейской мудрости. Буркнул «спасибо» — и замолчал. Хозяин стоит посреди комнаты, а тот ни чаю не предложит, ни присесть не пригласит. И что только Мэн Хуань в нём нашёл? Неужели только эту смазливую физиономию? При этой мысли Цино аж передернуло, он опасливо перевел взгляд с Мэн Хуаня на Сун Чжи и сглотнул. «Да ну, быть не может...»

— Сун Цзилань.

— Молодой господин.

Они заговорили одновременно. Мэн Хуань сделал приглашающий жест рукой:

— Говори первый. Что у тебя?

— Я долго болел и всё это время не был дома, — начал Сун Чжи. — Сю-нян, должно быть, места себе не находит от тревоги. Я хотел бы просить у молодого господа дозволения отлучиться на день, чтобы успокоить её и навестить родных. Можно ли мне получить расчетный выходной?

Мэн Хуань застыл.

Цино кожей почувствовал, как в комнате стремительно холодает. Мэн Хуань пришёл с миром, надеясь, что учитель, наконец поправившись, вернется к урокам, а первое, что он слышит — просьба уйти. Какое благородное самопожертвование... брошенное псу под хвост.

Сун Чжи заметил, как изменилось лицо офицера, но, привыкнув к его капризам, не отступил. Более того, он добавил:

— Молодой господин сам обещал мне: один выходной в декаду.

Он поднял взгляд на Мэн Хуаня и твердо закончил:

— А молодой господин всегда должен держать своё слово.

Мэн Хуань лишь стиснул зубы.

<http://bllate.org/book/17487/1695694>